

ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ КАК УСТАНОВКА УЧАСТНОГО СОЗНАНИЯ М.М. БАХТИНА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ АНАЛИТИКА

Основываясь на трактате М.М. Бахтина «К философии поступка», реконструируется феноменологическая аналитика участного сознания через призму долженствования как центральной категории бахтинской философии. Раскрыты четыре аспекта участного сознания: ответственность, высказывание (как говорение), переживание (как пере-живание), эмоционально-волевое интонирование.

Ключевые слова: долженствование; участное сознание; поступок.

Известный философский замысел Михаила Михайловича Бахтина, выраженный им в трактате «К философии поступка» (1920–1924 гг.), состоял в построении некой авторской оригинальной *фундаментальной онтологии* («первой философии»). Трактат, по сути, представляет собой перспективный развёрнутый план данного философского проекта, центральной категорией которого является «долженствование». Его Бахтин мыслит в качестве своеобразной категории поступления-поступка, некой *установки участного сознания*. Что такое «участное сознание»? И что это за его установка? За ответами на эти вопросы обратимся к самому М.М. Бахтину и раскроем (реконструируем) фактически осуществлённую им, но оставшуюся в зачаточной тезисно-отрывочной форме (или в умолчаниях) *феноменологическую аналитику участного сознания*.

Во-первых, участное сознание – это ответственное сознание, это сознание, берущее на себя всю полноту абсолютной ответственности за свои поступки (за события своего бытия) и одновременно задающее всю полноту ответственности самим своим поступкам. А ответственность поступка (или за поступок), в свою очередь, «...есть учёт в нём всех факторов: и смысловой значимости, и фактического свершения во всей его конкретной историчности и индивидуальности...» [1. С. 32]. Эта мысль в другой работе М.М. Бахтина – статье «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках», будучи выраженной через призму диалогической проблематики, приобретает даже вид и значение своеобразного жизненного принципа: «Для слова (а следовательно, для человека) – нет ничего страшнее безответности» [2. С. 490]. Иначе и не может быть, поскольку, полагает Бахтин, только ответственный поступок (будь то слово, мысль, дело) человека подразумевает ответ как *ответно-ответственное обращение другого* и преодолевает всякую отвлечённо-самозаконную и ни к чему не обязывающую гипотетичность мира чистого теоретизма. Бахтин пишет: «...ответственный поступок есть осуществление решения – уже безысходно, непоправимо и невозвратно; поступок – последний итог, всесторонний окончательный вывод; ...в поступке выход из только возможности в *единственность раз и навсегда*» [1. С. 32]. Иначе говоря, ответственность как первый план (первая составляющая) участного сознания стягивает, соотносит фактическое свершение и смысловую значимость поступка, его конкретную историчность и общетеоретическое содержательное наполнение, реальность и идеальность поступка и разрешает заданную (или во многих случаях – воссозданную) целостность события бытия в единый и единственный «конкретный контекст», «послед-

ний контекст» [1. С. 32], который является не чем иным, как «единым и единственным бытием жизни» [1. С. 32]. Именно и только в этом последнем контексте, т.е., собственно, в целом и целостном бытии нашей реальной жизни, участное сознание способно ответственно, и потому с абсолютным долженствованием, реализовать (и реализует!) само себя через свои поступки.

Участное сознание совершенно не субъективно и не психологично. Значит, и поступок, им совершаемый, т.е. ответственный поступок, точно так же не имеет ничего общего с субъективизмом и психологизмом. Поскольку субъективизм и психологизм касаются события моего бытия возможны только при абстрактном разделении поступка на «объективность» его смыслового содержания и «субъективность» процесса его конкретно-исторического осуществления, но «...в своей *ответственности* (курсив наш. – А.К.) поступок задаёт себе свою правду как объединяющую оба эти момента, равно как и момент общего (общезначимого) и индивидуального (действительного)» [1. С. 33].

Участное сознание не рационально и не иррационально. В классической философии со времён Р. Декарта традиционно считалось, что только рациональное – логично, ясно, понятно, необходимо и, следовательно, обладает абсолютным долженствованием для каждого. М.М. Бахтин же всей своей философией поступка обоснованно опровергает эту точку зрения: «Поступок в его целостности более чем рационален – он *ответствен*. Рациональность – только момент ответственности...» [1. С. 33]. Рациональное, т.е. имеющее отношение к отвлечённо-теоретическому самозаконному миру, вне участного ответственного сознания не цельно и не целостно, стихийно и тёмно, как и всякое бытие в себе. Или, как пишет Бахтин: «Логическая ясность и необходимая последовательность, оторванные от единого и единственного центра ответственного сознания, – тёмные и стихийные силы именно вследствие присущего логическому закону имманентной необходимости» [1. С. 33]. Противопоставление рационального иррациональному (субъективному, индивидуальному, единичному, случайному и т.п.) вообще ошибочно. Такое противопоставление возможно только *вне* участного сознания, а значит, только в мире не реального и не целостного бытия, в так называемом мире «трансцендентального единства объективной культуры» [1. С. 33], в котором всё «...на самом деле тёмно и стихийно, сплошь оторвано от единого и единственного центра ответственного сознания...» [1. С. 33]. Иначе говоря, только поступок, взятый вне участного сознания (т.е. вне цельности и целостности своего ответственного бытия) как некоторый тот или иной *факт*, мо-

жет, как и вообще всякое отвлечённое (отчуждённое) бытие, представиться одним иррациональным («стихийным», «тёмным», «таинственным»), а другим – рациональным («логичным», «ясным», «понятным»). И оба этих «представления» на самом деле есть всего лишь заблуждение, не представление, но кажимость.

Человек участно сознающий, а значит, и участно поступающий, как образно и очень трогательно замечает М.М. Бахтин, «...ясно видит и этих индивидуальных единственных людей, которых он любит, и небо, и землю, и эти деревья, и время, вместе с тем ему дана и ценность, конкретно, действительно утверждённая ценность этих людей, этих предметов, он интуитивно и их внутренние жизни и желания, ему ясен и действительный, и должный смысл взаимоотношений между ним и этими людьми и предметами – правда данного обстоятельства – и его *долженствование поступочное, не отвлечённый закон поступка, а действительное конкретное долженствование, обусловленное его единственным местом в данном контексте события*, – и все эти моменты, составляющие событие в его целом, даны и заданы ему в едином свете, едином и единственном *ответственном сознании*, и осуществляются в едином и единственном *ответственном поступке*» [1. С. 33–34].

Во-вторых, участное сознание – это говорящее, высказывающееся, языковое сознание¹. М.М. Бахтин замечает: «Неправильно будет полагать, что эта конкретная правда события, которую и видит, и слышит, и переживает, и понимает поступающий в едином акте ответственного поступка, несказанна, что её можно только как-то переживать в момент поступления, но нельзя отчётливо и ясно высказать» [1. С. 34]. «Конкретную правду» события бытия участно мыслящему и ответственно поступающему (совершающему действительный поступок) субъекту не только можно отчётливо и ясно высказать, но и должно высказать, необходимо высказать, нельзя не высказывать. Это следует из самого феномена языка, поскольку:

1) «...язык исторически вырастал в услужении участного мышления и поступка, и абстрактному мышлению он начинает служить лишь в сегодняшний день своей истории» [1. С. 34];

2) «...язык гораздо более приспособлен высказывать именно её (т.е. конкретную правду события бытия. – А.К.), а не отвлечённый логический момент в его чистоте» [1. С. 34];

3) известно, в частности из работы «Вопросы литературы и эстетики», что Бахтин рассматривал язык вообще «...не как систему абстрактных грамматических категорий, а язык идеологически наполненный, язык как мировоззрение и даже как конкретное мнение» [3. С. 84];

4) как пишет Бахтин в работе «Эстетика словесного творчества», «язык, слово – это почти всё в человеческой жизни» [4. С. 297].

И если, действительно, «язык, слово – это почти всё в человеческой жизни» [4. С. 297], если, действительно, нет ничего вне языка, то и сознание оказывается полностью включённым в язык, более того, сознание и есть язык – *языковое* сознание. В свою очередь, и мышление тоже оказывается языковым – *языковое* мышление. Если, действительно, «язык, слово – это почти всё в человеческой жизни» [4. С. 297], то и сами люди есть

не что иное, как определённым образом организованные языки, и конкретное индивидуально-историческое участное сознание в каждый момент своей жизни оказывается перед выбором *своего* языка, языка *своей жизни*. И будет этот язык языком ответственности или же, наоборот, безответственности всегда решает только само участное сознание. И всегда нужно помнить, что если мы не говорим сами, то за нас заговорят другие². Если мы не говорим на своём языке, то через нас заговорит чуждый нам язык.

Вообще же тот, кто отказался говорить, отказался на высказывание, воспользовался языком – тот *уже* в той или иной степени с необходимостью участно мыслит, *уже* в той или иной форме с необходимостью ответственно поступает. Сам язык человеческий есть одна из составляющих *долженствования*! Изначально, по мысли Бахтина, язык предназначался только для высказываний с абсолютной необходимостью, для долженствующих высказываний участного мышления по поводу событий своего ответственного бытия (своих ответственных поступков). Не для пустых разговоров о теоретически отвлечённом в его «абстрактности» и «чистоте», которое на самом деле к тому же языком просто не выразиимо (поскольку всякое выражение для него будет всегда слишком конкретным, искажающим и замутняющим «чистоту» и смысловую «в себе значимость»), а для ответственных высказываний о «конкретной правде» событий бытия участно мыслящего и ответственно поступающего субъекта. Для выражения этой правды языку необходима, подчёркивает М.М. Бахтин [1. С. 34], «вся полнота слова»: и его содержательно-смысловая сторона («слово-понятие»), и наглядно-выразительная («слово-образ»), и эмоционально-волевая («интонация слова») в их единстве. И только обретая целостность и единство во всех этих моментах слово становится *должным* и ответственно-значимым, слово становится *правдой*. Однако преувеличивать силу языка, конечно же, тоже не стоит, и Бахтин мудро замечает по этому поводу: «...единое и единственное бытие-событие и поступок, ему причастный, принципиально выразимы, но фактически это очень трудная задача, и полная адекватность недостижима, но всегда задана» [1. С. 34].

Раскрывая далее, участное сознание как сознание языковое, отметим следующее: сам упоминавшийся нами выше мир культуры для М.М. Бахтина – это мир языка или речи. Любая речь, вплоть до малозначительной реплики, брошенной кем-то второпях, соединена со своим автором смысловой пуповиной, т.е. всегда отягощена смыслом, что-либо значит, подлежит прочтению, и через это прочтение имеет живейшую связь со всем сущим миром. Неслучайно зарубежный исследователь творчества Бахтина Майкл Холквист в работе «Dialogism: Bakhtin and his World» замечает по этому поводу: «В смысле вычленения частных значений из общих систем мы все являемся творцами: в отношении высказывания говорящий является тем же, чем автор является в отношении текста» [5. С. 67], а отечественный бахтиновед Л.А. Гогтишвили подчёркивает, что у Бахтина «...язык же, будучи основным социологизирующим средством объективации этих взаимоотношений и области смысла вообще рассматривался не толь-

ко как их внешняя знаковая оболочка, но и как творящая эти отношения естественная для них субстанция» [6. С. 121].

Более того, Е.А. Богатырева в своей статье «М.М. Бахтин: этическая онтология и философия языка» идёт ещё дальше: «Бахтин фактически предвосхищает контуры культуры, той культуры, что получит распространение во второй половине и в конце нашего столетия. Эта культура представляет собой пространство пересечения множества языков, в которые и погружено сознание человека в координатах этой культуры» [7. С. 54]. Несомненно, что Бахтин остро чувствовал и глубоко осознал кризис человека в XX в., его овеществление, распад человеческого бытия, прежде цельного, целостного и единого, на противопоставленные друг другу миры жизни и культуры. Причём акцент на любой один из этих двух миров, «нудительная заданность» либо культуры, либо жизни фактически оборачивается превращением их в монологически замкнутое, а потому мёртвое целое, а для самого человека – утратой самого важного – *участности сознания*.

Заданные рамки нашей статьи не позволяют углубляться в подробное исследование феномена языка и проблем языкознания. Следует особо подчеркнуть лишь тот ставший очевидным после проведённого выше анализа факт, что корни бахтинского интереса к языку вообще и филологии в частности, идейные и смысловые корни многих его трудов находятся именно здесь, в его тезисно-отрывочном философском трактате «К философии поступка». И контекстом для их адекватного (цельного и целостного) понимания является, прежде всего прочего, контекст раннего трактата М.М. Бахтина «К философии поступка», а именно проект создания первой философии как своеобразной фундаментальной онтологии.

В-третьих, *участное сознание* – это *переживающее сознание*. Как мы уже убедились выше, мир действительного поступка и свершающего его участного сознания по самой своей сути противоположен гипотетичному миру чистого теоретизма, самозаконному миру «данности», «абстрактности» и «понятийной чистоты». Творимый (в самом возвышенном смысле этого слова) участным сознанием мир *события* бытия есть совершенно особый мир, он «...не есть мир бытия только, данности, ни один предмет, ни одно отношение не дано здесь как просто данное, просто сплошь наличное, но всегда дана связанная с ними заданность: должно, желательно» [1. С. 35]. Участному сознанию в принципе ничто не может быть безразлично («просто дано», «сплошь готово», «индифферентно»). Это означает, что все предметы и отношения (вообще всё) в творимом им мире участным сознанием всегда (в каждый момент времени) *переживаются* и, более того, не могут не *переживаться*. Переживать что-либо в данном случае – не значит о чём-либо «волноваться», «сомневаться», «огорчаться», «радоваться» и т.п. В данном случае М.М. Бахтин преодолевает психологические рамки этого понятия и выходит к рамкам глубинным и фундаментальным – онтологическим. *Переживать* что-либо – означает здесь наделять это что-либо превосходной степенью («очень», «слишком») собственного бытия, дополнять бытие (этим самым

«очень» и «слишком») до целого и целостного, переводить из безответственного состояния «просто данного» в ответственное состояние «заданного» или «уже должного» события. М.М. Бахтин пишет по этому поводу следующее:

1. «...переживая предмет, я тем самым *что-то выполняю по отношению к нему*, он вступает в отношение с заданностью, *растёт в ней в моём отношении к нему*» [1. С. 35].

2. «Поскольку я действительно переживаю предмет, хотя бы переживаю-мыслю, он становится меняющимся моментом свершающегося события переживания-мышления его, т.е. обретает заданность, точнее, *дан в некотором событийном единстве*, где неразделимы моменты заданности и данности, бытия и долженствования, бытия и ценности. Все эти отвлечённые категории являются здесь *моментами некоего живого, конкретного, наглядного единственного целого – события*» [1. С. 35].

Если соотнести сказанное с анализом, осуществлённым нами в предыдущем пункте, то можно сказать, что фактически Бахтину удалось конструктивно преодолеть сугубо лингвистическую парадигму подхода к проблеме сознания с её анализом только слов и предложений, показав, в частности в работе «Слово в романе», что: «...слово языка – получужое слово. Оно станет “своим”, когда говорящий наделит его своей интенцией, своим акцентом, овладеет словом, приобщит его к своей смысловой и экспрессивной устремлённости (т.е. *переживёт* слово. – А.К.)» [8. С. 109]. И в этом, кстати, он в некотором отношении близок А.Ф. Лосеву, который в своей статье «Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной деятельности мысли» писал: «Язык вовсе не состоит из слов. Экспрессия и интонация – более базовые вещи! Язык – это прежде всего интонационная и экспрессивная структура» [9. С. 108–109]. Однако следует ещё раз подчеркнуть, что М.М. Бахтиным упомянутое переживание (пере-живание) понимается гораздо шире, чем просто «экспрессия» и «интонация». Иначе говоря, Бахтин выходит в своих размышлениях на ещё более базовые вещи, чем А.Ф. Лосев. Переживать в смысле психологическом может каждый. Но переживать в онтологическом смысле – это уже настоящему серьёзное дело, ответственное дело всей жизни человеческого существа, и на это дело способно уже только *участное сознание*.

В-четвёртых, *участное сознание* – это *эмоционально-волевое или интонирующее сознание*. Разворачивая смысловой контекст анализа участного сознания, далее М.М. Бахтин отмечает, что всё действительно переживаемое (в вышеупомянутом смысле как переживаемое) с абсолютной необходимостью *интонируется*, ему задаётся некоторый *эмоционально-волевой тон*, посредством чего переживаемое «вступает в действительное отношение ко мне в единстве объемлющей нас событийности» [1. С. 35]. Это означает, что переживаемое участным сознанием с необходимостью получает ценностное к себе отношение: отношение не как к просто какой-либо данности (одной из бесконечного множества данностей гипотетичного самозаконного мира чистого теоретизма), но как к заданности³ (жела-

тельной или нежелательной для меня, но, бесспорно, одной, единственной, неповторимой и необходимой, такой, от которой невозможно отмахнуться). Или, иначе говоря, участное сознание превращает переживаемое, задавая ему эмоционально-волевой тон, в момент своей живой событийности, в событие своего бытия, в свой действительный, живой, ответственный, единый и единственный поступок. Бахтин выражает эту мысль следующим образом:

1. «Эмоционально-волевой тон — неотъемлемый момент поступка, даже самой абстрактной мысли, поскольку я её действительно мыслю, т.е. поскольку она действительно осуществляется в бытии, приобщается к событию. Всё, с чем я имею дело, дано мне в эмоционально-волевом тоне, ибо всё дано мне как момент события, в котором я участен» [1. С. 35].

2. «Ни одно содержание не было бы реализовано, ни одна мысль не была бы действительно помыслена, если бы не устанавливалась существенная связь между содержанием и эмоционально-волевым тоном его, т.е. действительно утверждённой его ценностью для мыслящего. Активно переживать переживание, мыслить мысль — значит не быть к нему абсолютно индифферентным, эмоционально-волевым образом утверждать его» [1. С. 36].

На данном этапе рассмотрения мы можем дать следующее определение эмоционально-волевому тону как одному из главнейших аспектов участного сознания: *утверждённая (заданная, действительная) участным сознанием ценность переживаемого им*. Однако данное определение разворачивает перед нами пока лишь одну из граней бахтинского понятия эмоционально-волевого тона, этого ещё недостаточно для понимания специфики участного сознания и его роли в онтологическом проекте Бахтина. Поэтому вместе с самим М.М. Бахтиным эксплицируем остальные грани понятия эмоционально-волевого тона участного сознания.

Эмоционально-волевой тон как оценка участным сознанием (своего рода переживание по поводу) переживаемого⁴ не относится *только* к содержанию (как таковому, скажем так, в его изоляции) переживаемого, даже если это содержание являет собой только лишь некоторую недоказанную «возможность» или же, наоборот, уже «абсолютно доказанную» и потому «общезначимую» ценность. Участное сознание всегда оценивает (переживает) содержание переживаемого в его неразрывном соотношении с индивидуальностью самого себя (т.е. со *мною*, живым, поступающим субъектом) в контексте объемлющего обоих единого и единственного события бытия, т.е. в контексте действительного поступка. Это значит, что участное сознание посредством эмоционально-волевого интонирования переживаемого, говоря словами М.М. Бахтина, размыкает замкнутость и давление «возможного» или «общезначимого» содержания переживаемого и приобщает его через единое и единственное индивидуальное и конкретно-историческое событие бытия (действительный поступок) к единому, целому и цельному, объемлющему бытию как таковому. Бахтин выражает эту мысль следующим образом: «Эмоционально-волевой тон относится именно *ко всему* конкретному единственному единству *в его целом*, выражает *всю полноту* состоя-

ния-события в данный момент и в его данности-заданности *из меня* как его должного участника» [1. С. 38]. Таким образом, эмоционально-волевой тон представляет собой не какую-либо пассивную обобщённую оценку переживаемого (предмета, мысли, события), не зависимую от того единственного контекста действительного поступка, в котором переживаемое участному сознанию в данный момент является, а наоборот, активную всегда индивидуально-конкретную, объемлющую и проникающую единственное бытие-событие, ответственно осознанную и необходимую *деятельность* участного сознания, превращающую пассивную возможность в активную действительность свершённого поступка (поступка-мысли, поступка-чувства, поступка-желания и т.п.). М.М. Бахтин пишет: «Эмоционально-волевым тоном мы обозначаем именно момент моей активности в переживании, переживание переживания как *моего*: я мыслю — поступаю мыслью. ...Для нас важно отнести данное переживание *ко мне*, как его активно переживающему. Это отнесение ко мне как активному имеет чувственно-оценивающий и волевой — свершаемый — характер и в то же время ответственно рационально. Все эти моменты даны здесь в некотором единстве, прекрасно знакомом каждому, переживавшему мысль свою, чувство своё как свой ответственный поступок, т.е. *активно* переживавшему» [1. С. 38–39]. Активная эмоционально-волевая деятельность участного сознания (*меня*) пронизывает всё возможное многообразие переживаемого и закрепляет его в реальной действительности индивидуально неповторимого данного момента события бытия, тем самым превращая переживаемое в должное, в абсолютно необходимое.

Теперь, опираясь на сказанное выше, мы можем дать следующее определение эмоционально-волевому тону, открывающее перед нами ещё одну грань этого многогранного бахтинского понятия: *активная деятельность участного сознания, бытийно закрепляющая переживаемое мною в действительной должной необходимости моего ответственного поступка*. Однако и двух выявленных граней, по мнению М.М. Бахтина, всё же ещё недостаточно для понимания специфики участного сознания и его роли в проекте первой философии. Поэтому вместе с самим Бахтиным эксплицируем оставшиеся грани понятия эмоционально-волевого тона участного сознания.

Эмоционально-волевой тон, как мы уже выяснили, пронизывает абсолютно всё переживаемое участным сознанием, утверждая тем самым индивидуальную конкретно-историческую неповторимость данного момента события бытия. Поэтому можно сказать, что именно в эмоционально-волевом тоне как активной деятельности участного сознания, находятся корни индивидуальной, единой и единственной, активно утверждающей бытие ответственности участного сознания, т.е., скажем другими словами, *моей* ответственности за *моё* бытие. Сам Бахтин пишет так: «...он (т.е. эмоционально-волевой тон. — А.К.) стремится выразить правду данного момента, и это относит его к последнему, единому и единственному единству [1. С. 39]. Ключевой категорией, для экспликации этой грани понятия эмоционально-волевого тона, является категория

правда, раскрываемая М.М. Бахтиным в качестве *правды данного момента бытия*. Категории «правда» Бахтин жёстко противопоставляет другую категорию – «истина»⁵. Истина какого-либо факта, положения, события, в соответствии с наследием эпохи рационализма, должна слагать некоторое единство из общих и логически тождественных (повторимых и постоянных) моментов (эпизодов) в нём и исключать моменты проявления индивидуального и единственного. А даже если и касаются поборники рационализированной (теоретизированной) истины как-то «активного единственного акта (факта)», «...то всё же имеют в виду его содержание (содержание, себе тождественное), а не момент действительного, действенного свершения акта» [1. С. 39]. Главнейший вопрос, который следует задать поборникам подобного рода истины, звучит следующим образом: но является ли это теоретизированное единство истины *принципиальным и живым единством бытия*, необходимого и центрального момента в самом понятии о любом единстве? Для непредвзятого человека (учёного) ответ может быть здесь только один: конечно же, нет. Истина, с той или иной степенью очевидности, может выразить некоторое единство некоторых элементов бытия, но никогда не может выразить единство самого бытия в его живом и неповторимо многообразном целом. Единство самого бытия, по мысли Бахтина, может выразить только *правда*, но никак не истина! Правда же – всегда неповторима и индивидуальна, активна и ответственна, исторична и конкретна, она всегда – правда конкретного и единственного (только вот этого, данного) момента, факта, положения, события⁶. Правда данного уникального события в общем целом бытия является следствием активного эмоционально-волевого отношения участного сознания, т.е. *меня*, к переживаемому (данному событию). Таким образом, именно и только участное сознание как некоторое абсолютно уникальное, единственное и неповторимое в своём роде *я* способно выразить правду бытия через активное эмоционально-волевое переживание индивидуальных конкретно-историчных событий бытия. И в этом смысле правда всегда предшествует истине. Как любому теоретическому единству любой истины, прежде всего, всегда предшествует ответственно-практическое единство того, кто его создаёт, т.е. участного сознания, самого себя или *меня*. Чтобы не возникало путаницы с упомянутыми выше двумя видами «единств», единство второго вида, т.е. единство самого бытия в его живом и неповторимо многообразном целом как правда, выразителем которой является участное сознание (*я*), Бахтин предлагает именовать *единственностью*: «В этом смысле само слово “единство” должно было бы оставить как слишком теоретизированное; не единство, а *единственность* себя, нигде не повторяющегося целого и его действительности, и отсюда для желающего теоретически мыслить это целое – источник категории единства (в смысле повторяющегося постоянно)» [1. С. 39].

Единственность участного сознания никогда не следует мыслить в качестве какого-либо теоретически-содержательного единства (постоянство принципа или закона): «Можно установить даже некоторую обратную пропорцию между теоретическим единством и дейст-

вительной единственностью (бытия или сознания бытия). Чем ближе к теоретическому единству (содержательное постоянство или повторяющаяся тождественность), тем беднее и общее; дело сведено к единству содержания, и последним единством оказывается пустое себе-тождественное возможное содержание; чем дальше отходит индивидуальная единственность, тем она становится конкретнее и полнее: единственность действительно свершающегося бытия-события во всем его индивидуальном многообразии, к краю которого придвигается поступок в его ответственности» [1. С. 41]. Единственность участного сознания выразима, пожалуй, только через факт личной ответственности в бытии как действительное, активное, эмоционально-волевое признание уникальной значимости абсолютно всего переживаемого участным сознанием (*мною*), абсолютно всех его (то есть *моих*!) событий, абсолютно всех поступков. Именно факт единственности участного сознания как единственного выразителя правды бытия обязывает участное сознание быть тем, кто оно есть и делать то, что должно. Метафорически М.М. Бахтин выражает эту мысль так: «Не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним, то, что я единожды признал, подписал данное признание. И в момент подписания не содержание данного акта вынудило подпись, это содержание не могло изолированно побудить к поступку – подписи-признанию, но лишь в соотнесении с моим решением дать обязательство – подписанием-признанием-поступком; в этом последнем также содержательная сторона была лишь моментом, и решило дело действительно бывшее признание, утверждение – ответственный поступок и т.д.» [1. С. 40]. Более того, дополняя эту метафору, Бахтин говорит о том, что лучше всего охарактеризовать эмоционально-волевой тон единственности участного сознания может понятие *верность* [1. С. 39] в том смысле, как оно употребляется по отношению к любви и браку. Быть верным *самому* себе, единственности своего бытия, быть верным своему решению, своей подписи под каждым совершённым поступком – это значит быть верным своей ответственности за единственность своей жизни.

Теперь, опираясь на сказанное выше, мы можем дать ещё одно определение эмоционально-волевому тону, открывающее перед нами третью и последнюю из анализируемых М.М. Бахтиным в своей ключевой работе «К философии поступка» грань этого понятия: *это утверждение правды бытия как ответственной единственности участного сознания*. Таким образом, все три полученных определения вместе, взятые как три грани одного обширного понятия, раскрывают перед нами специфику и роль в проекте первой философии Бахтина участного сознания именно как сознания эмоционально-волевого (интонирующего).

Рамки журнальной статьи вынуждают нас на данном этапе закончить реконструкцию феноменологической аналитики участного сознания М.М. Бахтина, отметив пока в качестве промежуточного вывода следующее:

1. Участное сознание – это:
 - ответственное сознание;
 - говорящее, высказывающееся, языковое сознание;
 - переживающее (пере-живающее) сознание;

– эмоционально-волевое или интонирующее сознание.

2. Долженствование как установка участного сознания – это:

– ответственность;

– высказывание (как говорение);

– переживание (как пере-живание);

– эмоционально-волевое интонирование.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. с концептом «сознания вслух» известного советского философа М.К. Мамардашвили.

² Речевой вакуум, в контексте всего вышесказанного, просто невозможен: либо говорим мы, либо говорят за нас.

³ Проводя параллели между М. Хайдеггером и М.М. Бахтиным, можно даже сказать: *за-данности*.

⁴ По сути, если воспользоваться неподражаемым языком великого мастера диалектики Г.В.Ф. Гегеля, эмоционально-волевой тон можно представить как *переживание переживаемого*. Причём первое «переживание» первого уровня – это деятельность во многом скорее психологическая (оценочная), а «переживание» второго уровня – деятельность сугубо онтологическая (пере-живание).

⁵ Ср. с известным народным афоризмом: «Правда – это ещё не истина. А истина – это ещё не правда».

⁶ Ср. с отрывком из нашумевшего диалога Иешуа Га-Ноцри и Понтия Пилата в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

«– Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?

...– Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти» [10. С. 20–21].

М.М. Бахтин сказал бы, что в данном случае Понтий Пилат спрашивает об *истине* как о некотором обобщённом, теоретическом, рациональном положении, а Иешуа отвечает ему о *правде* как о сущности конкретного, единственного и неповторимого события его (Пилата Понтийского) бытия. Именно поэтому ответ Иешуа абсолютно и единственно верный. Этим ответом Иешуа ответил сразу на все возможные на тот момент теоретизированные вопросы Понтия Пилата и дальше диалог их продолжался уже в совершенно другой плоскости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 9–69.

2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. С. 473–500.

3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.

4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 421 с.

5. Holquist M. Dialogism: Bakhtin and his World. London; N.Y.: Routledge, 1990. Vol. 13. 204 p.

6. Гоготиишвили Л.А. Варианты и инварианты М.М. Бахтина // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 115–133.

7. Богатырева Е.А. М.М. Бахтин: этическая онтология и философия языка // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 51–58.

8. Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 72–233.

9. Лосев А.Ф. Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной действительности мысли // Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 75–121.

10. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 20 февраля 2009 г.